

УДК 1(091):316.3

КАПИТАЛИЗМ И НЕРАВЕНСТВО

Г.Ю. Канарш

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.019

Рассматривается ключевая для современного капиталистического общества проблема неравенства. Автор, опираясь на работу П. Розанваллона, рассматривает историческую динамику соотношения «равенство – неравенство» в обществе модерна; подробно исследует ключевые факторы роста неравенства в развитых странах в последние четыре десятилетия. Особое внимание в статье уделено проблеме роста неравенства в связи с бурным развитием технологий. Представлен анализ ряда концепций, показывающих тенденцию к формированию новой меритократии в развитых странах в связи с ростом технологий и подъемом нематериального капитала. В заключение рассматривается проблема тотального технологического замещения и делается вывод о том, что такой сценарий в ближайшей перспективе маловероятен: более реалистичным является сценарий сокращения разрыва между образованием и технологиями.

Ключевые слова: капитализм, неравенство, общество модерна, фордизм, постфордизм, новые технологии, нематериальный капитал, технологическое замещение.

Введение: динамика соотношения «равенство – неравенство» в обществе модерна

Проблема социально-экономического неравенства в последние десятилетия стала центральной для анализа современного капитализма. Неравенство усиливается почти повсеместно: на Западе, в новых развивающихся странах, на глобальном уровне [14]. Ведущие социальные исследователи сегодня озабочены этой проблемой и предлагают те или иные ее решения. Мы рассмотрим проявление этой проблемы преимущественно в западном капитализме.

Как показывает в своей книге известный французский историк и социолог Пьер Розанваллон, исходный тип равенства для западного общества эпохи модерна, сформированный в результате Французской и Американской революций, – это вовсе не равенство перераспределительного типа (которое является для нас относительно привычным), но скорее *равенство-отношение*, которое обнаруживает себя в трех различных измерениях: во-первых, как равенство-подобие; во-вторых, как равенство-автономия; и в-третьих, как равенство-гражданство. Эти три типа равенства в эпоху раннего модерна вполне органично сочетались, образуя подлинную основу проекта «общества равных»: «равенство-

отношение, таким образом, представлялось как *мир* подобных, *общество* автономных индивидов и *сообщество* граждан» [16, с. 17; курсив источника. – Г. К.].

Однако уже спустя 30 лет после Французской революции происходит *первый кризис равенства*, связанный с бурным развитием капиталистических отношений (разделение общества на «две нации»: капиталистов и пролетариев). Преодолением этого социального разделения стала «революция перераспределения», начало которой приходится на конец XIX – начало XX вв. [16].

Но уже спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны возникает *второй кризис равенства*, который ставит под вопрос многие социальные завоевания послевоенного периода. Как полагает Розанваллон, фундаментальным социальным фактом, который вызвал кризис как «страховой парадигмы», так и «налоговой парадигмы», традиционных для «общества перераспределения», явилось *усложнение общества в послевоенный период*, когда в результате экономического роста и развития социальной сферы начинают все больше усиливаться различия между людьми, в результате чего общество перестает быть относительно однородным (в отличие от относительно однородного общества фордистской эры). В результате вместо «общества социальной солидарности» в период позднего капитализма мы получили «общество тотальной конкуренции», основанное на экономическом и социальном своеобразии (и неравенстве) людей [16, с. 266–275].

Как справедливо полагает французский ученый, на сегодня мы имеем достаточно парадоксальную картину: все большее распространение и углубление *политической* демократии во всем мире, и одновременно с этим – упадок демократии *социальной*. «Стремление к расширению свобод и установлению власти, служащей общей воле, привело к тому, что позиции деспотов пошатнулись во всем мире и изменился облик нашей планеты. Однако этот политический народ, все увереннее навязывающий свое влияние, становится все менее однородным в социальном плане. *Политическая гражданственность растет, в то время как гражданственность социальная – снижается*. Этот раскол демократии является ключевым фактором нашего времени, в котором заложены опасные угрозы» [16, с. 8; курсив мой. – Г. К.]. И, как пишет тот же автор в другом месте, «похоже, мы вернулись во времена “двух отдельных и враждебных друг другу наций”, которые стали в Европе середины XIX века сигналом вступления в новый революционный цикл» [16, с. 319]. Данный неутешительный вывод согласуется с результатами и других авторитетных исследований проблемы неравенства в наше время (см.: [1; 15; 19]).

В настоящей статье мы хотели бы, во-первых, глубже исследовать роль различных факторов, которые привели к становлению современного «общества неравных»; а во-вторых, изучить, какие новые фор-

мы принимает неравенство в обществе цифровых трансформаций. Несмотря на множество различных концепций и трактовок неравенства в современной западной социальной науке, мы постараемся выстроить единый нарратив, объединяющий эти различные трактовки. Особенно нас будет интересовать то, как меняется общество во «вторую эру машин» [4] и каковы его перспективы в условиях все большей роботизации и автоматизации производства.

Рост неравенства: общая картина изменений

Общим историческим фактом является то, что неравенство во всех развитых странах начинает усиливаться с конца 1970-х гг. Очевидно, что это не может не быть связано с экономическим кризисом, поразившем капиталистический мир в это десятилетие, и выразившемся в первую очередь в кризисе перепроизводства (в результате выхода на мировую арену мощных экономик Германии, Японии и новых индустриальных стран Азии). Естественным образом это сказалось сначала на экономике США (снижение цен в условиях обострившейся международной конкуренции), а затем и на тех странах, которые стали конкурировать с Америкой на международных рынках (см. об этом, напр.: [18, с. 16–20]). Это создало ситуацию, когда компаниям нужно было переходить от прежнего формата производства (крупные вертикально интегрированные корпорации с большим количеством сотрудников и большими объемами выпуска продукции) к «бережливому производству», заимствуя, в частности, производственные технологии стран-конкурентов (в частности, Японии – т. н. тойотизм). Итогом данного перехода к новой производственной модели стало не только сокращение запасов и объемов выпуска продукции (т. н. кастомизация – переход от массового ко все более индивидуализированному производству), но и значительное сокращение штатов (оптимизация производства) и формирование т. н. дуализованного рынка труда (разделение работников на «ядро» с наличием высокой зарплаты и социальных гарантий) и периферии (работников с низкой оплатой труда и отсутствием соответствующих гарантий). Этот новый производственный режим получил название постфордистского (см., напр.: [21, с. 211–327]). Надо сказать, что государство в этой ситуации также изменило свои приоритеты: оно стало ориентироваться не на поддержку широких слоев среднего класса (как при фордистской модели), а прежде всего на то, чтобы создать наиболее благоприятные условия для деятельности предпринимателей (т. н. переход от кейнсианской экономики спроса к неолиберальной экономике предложения). Все это, в свою очередь, означало сокращение социальных гарантий со стороны государства (в частности, поскольку были сильно снижены налоги) и начало фактического демонтажа социального государства. К этому надо добавить также сознательную поли-

тику государства и бизнеса по ослаблению профсоюзов – традиционных выразителей и защитников рабочего класса.

Еще один важный экономический фактор, который действовал здесь и привел в итоге к кардинальной трансформации западной (особенно американской) экономики и росту неравенства, – это переход от промышленного капитализма к финансовому. Данный переход (финансиализация экономической системы развитых стран) также был связан с кризисом фордизма и стремлением западных фирм снизить издержки производства в результате кризиса капитализма. Итогом этих усилий стала глобализация – перевод производств в страны с более дешевой рабочей силой (сначала т. н. новые индустриальные страны, затем Китай). Важную роль здесь сыграла и информационная революция, и удешевление транспортных расходов – все это позволило западным фирмам успешно преодолеть кризис и найти новые способы обогащения. К таким новым способам обогащения в условиях деиндустриализированной экономики можно отнести финансиализацию – расширение финансовых рынков в результате дерегулирования 1980-х гг. и становление спекулятивного капитализма (господствующего в наше время). Более того, финансиализация стала рассматриваться в западном мире как даже более выгодный способ накопления, чем глобализация, поскольку та приносила не такие значительные прибыли, как традиционное производство в эпоху «фордизма» [5, с. 52]. Таким образом, глобализация и деиндустриализация больно ударили по интересам западного рабочего класса (в частности, через усиление международной конкуренции), в то время как финансиализация позволила дальше обогащаться богатым.

Впрочем, здесь есть причины не только социально-экономического, но и концептуального, теоретического характера. Как показывает в своей книге американско-итальянский исследователь Мариана Маццукато [13], рост финансиализации и само финансовое дерегулирование в 1980-е гг. произошло во многом в результате смены концепции (или парадигмы) восприятия производительных и непроизводительных видов деятельности (концепция ценности). Так, если в классической политико-экономической парадигме (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс) четко выделялись производительные и непроизводительные сферы деятельности (например, производство относилось к производительным, а финансы – к непроизводительным), то начиная с 1970-х гг. ситуация резко изменилась. В результате господства неоклассической парадигмы в экономике (А. Маршалл и др.) все, что производит прибыль, любые экономические трансакции были признаны производительными и вносящими свой вклад в рост экономики. Это, согласно Маццукато, кардинальным образом изменило отношение к финансовой сфере. Отныне финансы стали восприниматься в обществе как весьма производительная сфера, что открыло дорогу финансовому дерегулированию и последовавшему за ним росту финансовых спекуляций.

Еще один важный экономический фактор, который действовал в последние четыре десятилетия и, в свою очередь, способствовал трансформации экономики и росту неравенства – это низкий экономический рост. Так, особенностью фордистской эпохи (1950–1970-е гг.) было то, что она отличалась удивительно высоким экономическим ростом (6 % в год), что, как признают многие сегодняшние экономисты, было скорее исключением, чем правилом. (Такое же исключение из правил составляет сегодняшний Китай.) Что это означало для экономики в плане распределения доходов? Это означало то, что в условиях высокого экономического роста, когда «пирог» становился все больше и больше, государство и компании вполне могли позволить себе делиться плодами экономического процветания с остальным населением. Естественно, это вызвало бурный рост среднего класса. Значительное же замедление экономического роста (сегодня он составляет на Западе не более 1–2 %), напротив, означало, что «пирог» становится меньше и богатства будут аккумулироваться все больше в руках более узкого круга лиц (политической и экономической элиты). Именно проблема сокращения экономического роста (вместе с ростом частных накоплений) в основе концепции известного французского экономиста Тома Пикетти, автора знаменитого бестселлера «Капитал в XXI веке» [15]. Как показал Пикетти, последние четыре десятилетия на Западе характеризуются значительным подъемом имущественного неравенства, которое стало по своим масштабам сравнимым с неравенством начала XX в., когда частное имущество составляло примерно 1 к 8 в соотношении с национальным доходом. Эта ситуация, по мнению Пикетти, прямо связана с такими факторами, как снижение экономического роста, рост накоплений, финансовализация экономики и удорожание активов.

Таким образом, в результате снижения экономического роста, финансовализации и других факторов западная экономика все больше становилась экономикой богатых (и для богатых), в отличие от экономики фордистской эпохи, ориентированной на средний класс. Это привело к тому, что стали формироваться экономики нового типа, ориентированные в первую очередь на богатые слои населения (и способствующие дальнейшему обогащению тех, кто задействован в этих экономиках). Характерной экономикой такого типа стала т. н. *экономика обогащения*, возникшая в последние два десятилетия в Западной Европе (прежде всего, Франция, Испания и Италия) и обращающаяся не к финансам и цифровым технологиям, а к эксплуатации обширного культурного наследия [2].

Какие еще факторы могли способствовать росту неравенства? Важным фактором, помимо вышеизложенных социально-экономических обстоятельств, стал распад послевоенного социал-демократического консенсуса (или, иначе, «фордистского компромисса»). Этот консенсус (между государством, бизнесом и гражданами) был

вызван к жизни духом солидарности, который сформировался в период Второй мировой войны в западных обществах и сохранял свое влияние в течение почти трех десятилетий (до 1970-х гг.). Однако рано или поздно этот консенсус должен был ослабнуть, что в сочетании с негативными тенденциями в экономике привело к эрозии традиционных институтов западного государства благосостояния. Эти процессы описывает в своей книге британский экономист Пол Коллиер [7]. Как считает Коллиер, в противоположность социально-экономической трактовке роста неравенства, страдающей некоторым детерминизмом, именно сохранение коммунитаристского проекта (а не его демонтаж) позволил бы людям на Западе менее болезненно пережить экономический кризис. Но в реальности случилось обратное.

Таким образом, в методологическом плане наш анализ трансформаций западного капитализма и роста неравенства показывает, что, по сути, сегодня нет единого нарратива в отношении того, что продуцирует неравенство, как и в отношении самих характеристик этого неравенства. В самом общем смысле авторы фиксируются либо на социально-экономических, либо на политических (морально-политических) аспектах этой проблемы. Главным объединяющим моментом для всех этих нарративов является то, что описанные в них социально-экономические, политические, общественно-научные процессы так или иначе ведут к формированию экономики, в которой мало остается от благосостояния первых послевоенных десятилетий (1950–1970-е гг.). Практически все указанные процессы направлены на усиление неравенства в обществе через присвоение крупными корпорациями и отдельными индивидами значительной доли общественного богатства. В последние же два десятилетия особенно выделяется в этом отношении цифровая экономика. Как считают многие авторы, цифровизация общества, бурное развитие технологий и деятельность новых интернет-гигантов многократно усиливают существующие тенденции и ведут к новым формам общественного неравенства.

Новейшие технологии и неравенство

Экономические процессы, происходящие сегодня в мире и связанные с развитием цифровых технологий (Интернет, робототехника, искусственный интеллект и др.), получили в литературе различные названия – цифровая экономика, инновационная экономика, информационная экономика, когнитивный капитализм и др. Все эти понятия, однако, объединяет то, что они связаны с формированием экономического уклада нового типа, основанного на компьютерных технологиях. Некоторые авторитетные авторы считают даже, что мы стоим у истоков четвертой промышленной революции [22, с. 18]. Ее начало – рубеж нового тысячелетия и она опирается на цифровую революцию. Для нее характерно: «“вездесущий” и мобильный интернет, миниатюрные про-

изводственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [22].

В книге «Технологии четвертой промышленной революции» [23] достаточно подробно рассматривается то новое, что принесла с собой в техническом плане данная трансформация. В частности, выделяются такие технологии, как новые вычислительные возможности (например, новейшие квантовые компьютеры), технологии блокчейна (возможности вести расчеты в Интернете при помощи криптовалют, используя технологии распределенного реестра), интернет вещей (колонизация нашего повседневного пространства Интернетом, а также новейшие промышленные интернет-технологии), искусственный интеллект и роботы (последних сегодня становится все больше, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии и Северной Америке), передовые материалы (например, графен), аддитивное производство и многомерная печать (все больше расширяющееся использование 3D-принтеров). Кроме этих технологий, которые сейчас у всех на слуху, рассматривается еще целый ряд технологий, связанных с изменением человека (например, биотехнологии и нейротехнологии, а также виртуальная и дополненная реальность) и технологии по интеграции окружающей среды (выработка новых типов энергии, геоинженерия, космические технологии).

Все это в совокупности, по мнению Клауса Шваба, радикальным образом трансформирует в ближайшие десятилетия жизнь человеческой цивилизации и при правильном управлении приведет к невиданному ранее благосостоянию (как приводили ранее к резкому увеличению благосостояния общества предшествующие промышленные революции). Впрочем, надо отметить, что Шваб является скорее технооптимистом, более скептическая позиция в отношении «радикальных технологий» и потенциала их влияния на общество представлена у другого авторитетного исследователя – британца Адама Гринфилда [6].

Впрочем, и Шваб далек от однозначно положительной оценки новых технологических возможностей, которые формируются сегодня цифровой революцией. В области экономики, как считает исследователь, четвертая промышленная революция производит неоднозначные эффекты. С одной стороны, она потенциально положительно влияет на производительность и экономический рост, с другой стороны – производит негативные эффекты в сфере занятости посредством технологического замещения. Так, если традиционно (в других промышленных революциях) ситуация была такова, что вместо утраченных рабочих мест возникали новые, то «на сегодняшний день складывается следующая ситуация: четвертая промышленная революция создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции» [22, с. 66]. Инновации повышают производительность за счет того, что сокращают необходимость в рабочих руках, а не за счет создания новых продуктов, которые требовали бы привлечения дополнительной рабочей силы.

В целом, современные тенденции ведут к меритократизации современного западного общества. Рынок труда сегодня переживает такое явление, как поляризация труда, когда люди, умеющие обращаться с компьютерами (и владеющие соответствующими навыками и компетенциями), смогут иметь высокую зарплату и соответствующий статус в обществе (например, технические специалисты, работающие в высокотехнологических компаниях), а те, кто такими навыками не обладают, скорее всего потеряют работу в результате технологического замещения или опустятся в нижний сегмент рынка труда (с низкими зарплатами). Как лаконично пишет про это экономист Тайлер Коуэн, «все больше и больше людей оказываются по одну из сторон условного водораздела. Именно поэтому *среднего более не дано*» [9, с. 15; курсив источника. – Г. К.].

Коуэн перечисляет категории работников, которые станут выгодоприобретателями новой экономики: это, прежде всего, технические специалисты, работающие с компьютерами; менеджеры, которые организуют трудовой процесс (получая за это большие деньги); а также «обслуживающий персонал» новой экономики – специалисты в области маркетинга, привлекающие внимание богатых. Примечателен и некий гендерный перекокс: в силу того, что новой экономике потребуются более добросовестные и дисциплинированные работники, можно ожидать, что в ней будет задействовано больше женщин, чем мужчин (хотя мужчины сохранят свои позиции на вершине общественной иерархии). В целом доступ в профессиональную элиту будет весьма и весьма ограниченным.

Таким образом, мы стоим на пороге формирования гипермеритократии, которая связана с быстро происходящими технологическими изменениями. Те люди, которые по тем или иным причинам не будут вписываться в новый социально-экономический уклад, потеряют работу с перспективами вновь найти ее, но уже в низкооплачиваемом секторе.

Еще один важный процесс, который усугубляет данные тенденции, – то, что в последние десятилетия (примерно с конца 1990-х гг.) в развитых странах традиционная материальная экономика постепенно начинает заменяться экономикой нематериальной, основанной не на традиционных материальных активах (здания, оборудование, земля и т. д.), но на иных, к которым относятся такие активы, как реклама, брендинг, дизайн, вложения в научно-технические исследования и разработки, создание инновационных организационных структур, связи с поставщиками и клиентами, лицензионные договоры, программное обеспечение и т. п.

Как показывают британские авторы Джонатан Хаскел и Стиан Вестлейк [25], нематериальные активы имеют ряд свойств, которые придают экономике данного типа ее уникальные характеристики. Эти свойства: 1) масштабируемость (scalability); 2) потопляемость (sunkedness); 3) переливы (spillovers); 4) синергичность (synergy). Главное, что можно сказать об этих эффектах, так это то, что овладение ими

создает возможность для преуспеяния в современной высокотехнологичной экономике. Чем и пользуются сегодня наиболее «продвинутые» фирмы (и что одновременно – и парадоксальным образом – тормозит экономический рост).

Из этой ситуации во многом становится ясной и ситуация с неравенством. Существующее в современном обществе неравенство доходов также во многом объясняется динамикой межфирменной конкуренции: те фирмы, которые процветают в нематериальной экономике, могут платить своим сотрудникам гораздо больше, нежели фирмы-аутсайдеры. Впрочем, здесь необходимо сделать важное дополнение: платят в высокотехнологичных компаниях не всем, а только тем специалистам, которые обладают необходимыми компетенциями и способны работать с нематериальными активами, усиливая их эффекты. Экономист Р. Райх называл таких специалистов «символическими аналитиками» [27]. Впрочем, неравенство усиливается и другими эффектами, например аутсорсингом (в юридических и консалтинговых компаниях). Кроме того, нематериальные активы весьма значительно влияют на другие виды неравенства, например неравенство в капитале (о котором писал Т. Пикетти), поскольку городская недвижимость в последние годы стремительно дорожает вследствие того, что города являются наиболее благоприятной средой распространения прибыльных эффектов нематериальной экономики.

Таким образом, ведущая тенденция современного общества связана с его меритократизацией, которая определяется, с одной стороны, его повсеместной компьютеризацией, но в более широком смысле – распространением нематериального капитала как ведущей формы активов в современной развитой экономике.

Технологическое замещение или преодоление разрыва между образованием и технологиями?

В то же время, несмотря на довольно убедительные объяснения роста неравенства, которые мы встречаем у этих авторов, есть точка зрения, согласно которой развитие технологий (в первую очередь искусственного интеллекта) сегодня таково, что даже технические специалисты высокого класса, или символические аналитики, находятся под угрозой технологического замещения. Как отмечает в своей книге Р. Райх, сегодняшний прогресс в технологиях не просто замещает труд, но он является «знание-замещающим» (knowledge-replacing technologies) [26, с. 203]. Это означает, что люди, которые работают прежде всего головой, могут в относительно недалеком будущем быть заменены алгоритмами, которые уже сегодня достаточно успешно копируют их работу (например, работу переводчиков или журналистов). Создание мощных дата-центров в будущем сможет свести на нет труд множества управленцев [20, с. 144–149]. Эта позиция основана на том

факте, что искусственный интеллект сегодня «...не только помогает обосновывать решения, но и может их самостоятельно принимать...» [23, с. 146], что в целом меняет модель «стандартного сотрудничества между человеком и машиной», когда человек принимает управленческие решения, а машина (искусственный интеллект) выполняет лишь алгоритмическую работу. Новый тип партнерства, по мнению некоторых, будет заключаться в *практически полной передаче управленческих решений машине* (там, где это возможно), а роль человека сведется к тому, чтобы присматривать за работой машины и останавливать ее в случае необходимости [12, с. 49–60].

Кто же остается в выгоде в этом случае, если даже элита меритократии сегодня (не говоря уже о массе обычных людей) стоит перед угрозой технологического замещения? Ответ простой: основным бенефициаром технологического прогресса и роста экономики является класс капиталистов – владельцев финансовых учреждений и высокотехнологических компаний. Поэтому, возможно, прав социолог Рэндалл Коллинз, указывающий на то, что у среднего класса практически не осталось выходов перед лицом технологического замещения [8]. Тем самым благодаря бурному развитию технологий (в первую очередь искусственного интеллекта и машинного обучения) *неравенство постепенно будет смещаться в плоскость нарастания разрыва не между различными слоями среднего класса (как это происходит сегодня), а между капиталистами – владельцами высокотехнологических платформ и всем остальным населением*, обеспечивая первым огромную политическую власть. И единственный выход здесь – введение всеобщего базового дохода и других социальных программ по поддержке населения.

Впрочем, пока мы еще далеки от полной реализации этого сценария. Британский исследователь Дэниел Сасскинд [17] говорит о двух типах технологической безработицы, которая может случиться в результате автоматизации. Первый тип – фрикционная безработица, в результате которой рабочие места исчезают в некоторых сегментах занятости, однако появляются новые рабочие места (в результате дополняющего действия технологий), но эти места могут быть уже доступными не всем. Это прямо относится к ситуации сокращения среднего класса в современных развитых обществах (особенно в США). Люди, потерявшие работу в среднем сегменте, уже не могут по своей квалификации подняться наверх, и вынуждены либо скатываться вниз, на менее оплачиваемые работы, либо вовсе отказываться от работы. И второй тип – структурная безработица, в результате которой рабочие места исчезают вовсе (т. е. происходит не дополняющий, а чисто замещающий эффект технологий). Такой тип безработицы также наблюдается сегодня в сельском хозяйстве и промышленности развитых стран. Так вот, по мнению Сасскинда, *в ближайшей перспективе общество и государство должна беспокоить именно фрикционная безработица, а в отдаленной – скорее*

структурная. Поэтому не случайно первый ряд мер, о которых говорит Сасскинд, – это образование [17, с. 211–231].

Выводы Сасскинда и других ученых [11] подкрепляются и данными последних исследований в области высшего образования в разных странах, в которых показывается, что доля людей с высшим образованием (и особенно с учеными степенями) в области STEM («наука, технологии, инжиниринг, математика») снизилась в последние годы на Западе (тогда как потребность в них увеличилась, благодаря развитию технологий), а лидером в подготовке высококлассных технических специалистов является сегодня Китай [24]. В целом, в рамках мировой экономики происходит *мощная конкуренция за таланты*, которую мы наблюдаем в основном между США и Китаем (впрочем, последний в ближайшие годы будет опережать Америку по этому показателю более чем в три раза). «Нынешний период в мировой экономике Джек Корриган (один из авторов ежегодного отчета ОЭСР *Education at a Glance – Г. К.*) определил как возникновение войны за таланты, в центре которой находятся Китай и США» [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня, несмотря на значительный прогресс в области развития искусственного интеллекта и машинного обучения, нет однозначных прогнозов относительно того, как это скажется на рынке труда, в том числе на положении высококлассных специалистов – элиты меритократии. Несмотря на то что многие ведущие эксперты пессимистично высказываются в пользу сценария тотального технологического замещения, *более реалистичным в ближайшей перспективе нам представляется второй сценарий*, согласно которому для людей, человеческого труда в любом случае найдется место в новой экономике при условии проведения надлежащей социальной и образовательной политики со стороны государства. Это, в свою очередь, может способствовать и *сокращению неравенства в обществе*, при наличии комплекса других мер (ограничения монополизации, более активной инновационной политики государства, реформирования патентной системы и др.). Что же касается структурной безработицы (чистый эффект замещения технологиями), то здесь следует согласиться с авторами, утверждающими, что нет альтернативы повышению государственных налогов и введению базового дохода, в целом – масштабному перераспределению (времени, ресурсов, роботов и др.) [3].

Заключение

Таким образом, изначально западный проект модерна ассоциировался именно с равенством (хотя и не перераспределительного типа). В то же время, как показал П. Розанваллон, произошло два кризиса равенства, последний из которых приходится на рубеж XX–XXI столетий. Этот кризис был обусловлен целым рядом обстоятельств, в числе которых как чисто экономические (социально-экономические), так и поли-

тические факторы. Главное же, что в результате неолиберальной революции в ведущих современных экономиках сформировался порядок, который имеет мало общего с благосостоянием первых послевоенных десятилетий. Сегодняшний этап развития экономики и общества не только не способствует сглаживанию этих противоречий, но, напротив, усиливает их. Это связано с поляризацией рынка труда и усилившейся тенденцией к меритократизации современного западного общества (даже к его гипермеритократизации). В основе этих процессов – технологическое развитие, а также подъем нематериального капитала. Однако, как полагает ряд исследователей, даже элита меритократии не застрахована сегодня от влияния автоматизации. Роботы все больше замещают людей, поэтому постепенно вырисовывается тенденция, в соответствии с которой неравенство все больше будет нарастать не в отношениях между различными слоями среднего класса, а в отношениях между классом капиталистов – владельцев высокотехнологичных устройств, и всем остальным населением. Впрочем, данный исход скорее дело более отдаленного будущего, которое потребует масштабных практик перераспределения. Сегодня же главная задача и государства, и общества – выиграть новую гонку между образованием и технологиями, что одновременно поможет и смягчить социальное неравенство.

Список литературы

1. Бауман З. Идёт ли богатство немногих на пользу всем прочим? / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 105 с.
2. Болтански Л., Эскер А. Обогащение. Критика товара / пер. с фр. О. Волчек; под науч. ред. С. Фокина. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 600 с.
3. Брегман Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2020. 356 с.
4. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. М.: Изд-во АСТ, 2017. 381 с.
5. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 316 с.
6. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 421 с.
7. Коллиер П. Будущее капитализма / пер. с англ. О. Филиппова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 376 с.
8. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61–112.

9. Коуэн Т. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации / пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 317 с.
10. Краснова Г. Нынешний период в мировой экономике – это война за таланты [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/science/2021-10-12/14_8275_period.html (дата обращения: 13.01.2022).
11. Куреши З. «Преимущества новых технологий захвачены небольшим числом крупных фирм» [Электронный ресурс] // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/179005-zia-kureshi-o-neravenstve-v-cifrovyyu-erohu> (дата обращения: 13.01.2022).
12. Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / пер. с англ. А. Поникарова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 317 с.
13. Маццукато М. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. Н. Афанасова, А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 408 с.
14. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации / пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 336 с.
15. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. А. Дунаев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
16. Розанваллон П. Общество равных / редсовет: А. Н. Мурашев [и др.]; пер. с фр. Н. Богдановой. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. 415 с.
17. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / пер. с англ. под ред. А. Дунаева. М.: Индивидуум, 2021. 352 с.
18. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 125 с.
19. Стиглиц Д.Ю. Цена неравенства. чем расслоение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. Е. Рождественской. М.: Эксмо, 2015. 255 с.
20. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / пер. с англ. С. Чернина. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 429 с.
21. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
22. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Эксмо, 2018. 285 с.
23. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции / предисл. Сатъя Наделла; пер. с англ. К. Ахметова и др. М.: Бомбора, 2018. 317 с.
24. Education at a Glance 2021. OECD Library [online] Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2021_b35a14e5-en (accessed: 13.01.2022).
25. Haskel J. and Westlake S. Capitalism without Capital The Rise of The Intangible Economy. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2018. 288 p.
26. Reich R.B. Saving Capitalism: For the Many, Not the Few. New York: Alfred A. Knopf, 2015. 279 p.

27. Reich R.B. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. New York: Public Affairs, 1993. 339 p.

CAPITALISM AND INEQUALITY

G.Yu. Kanarsh

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article deals with the key problem of inequality for modern capitalist society. The author, relying on the works of P. Rosanvallon, examines the historical dynamics of the «equality–inequality» ratio in modern society; examines in detail the key factors of inequality growth in developed countries in the last four decades. The article pays special attention to the problem of growing inequality due to the rapid development of technology. The analysis of a number of conceptions showing the trend towards the formation of a new meritocracy in developed countries due to the growth of technology and the rise of intangible capital is presented. In conclusion, the problem of total technological substitution is considered and it is concluded that such a scenario is unlikely in the near future: the scenario of reducing the gap between education and technology is more realistic.

Keywords: *capitalism, inequality, modern society, Fordism, post-Fordism, new technologies, intangible capital, technological substitution.*

Об авторе:

КАНАРШ Григорий Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, сектор социальной философии, ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Author information:

KANARSH Grigory Yurievich – PhD (Political Science) Senior Researcher, Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru